

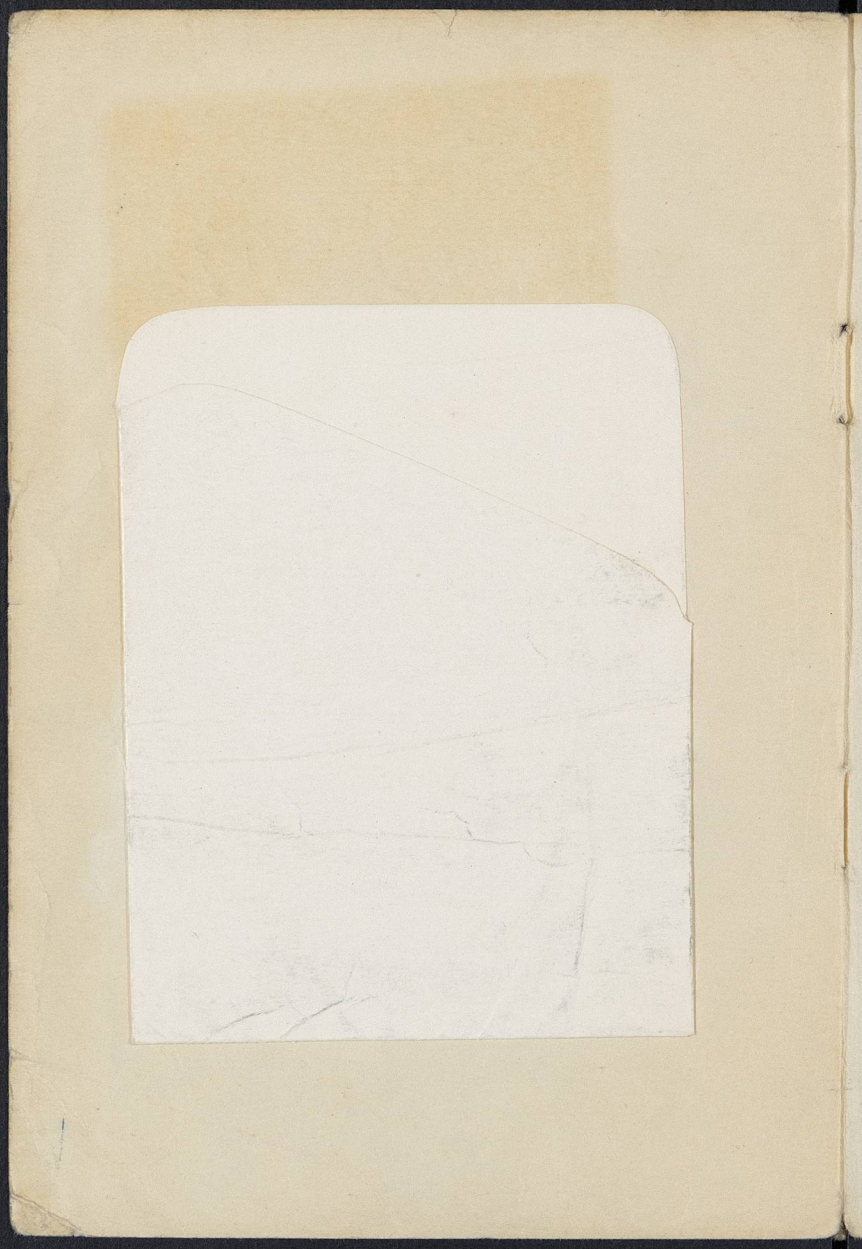
Илья Лагунов

МНЕ КРИЧАТ
ЖУРАВЛИ

С-32979

ИЛЬЯ ЛАВРОВ..

Р₂
Л13

МНЕ КРИЧАТ ЖУРАВЛИ

Повесть

Читинское книжное издательство
1959

Читинское книжное издательство
1959

Р 32979

2019

19

Лавров Илья Михайлович

МНЕ КРИЧАТ ЖУРАВЛИ

Редактор Н. Шаварина. Художник В. Калашников.
Художественный редактор И. Табаков. Технический
редактор М. Д. Юганова. Корректор Е. Кузьмина.
Сдано в набор 15.IX.1959 г. Подп. к печати 24.IX.1959 г.
Форм. бум. 70×92^{1/32}—1,187 бум. л.=2,778 печ. л.
(2,614 уч.-изд. л.) Тираж 15000 экз. ФД 01492.
Читинское книжное издательство, Чита, Ленинградская, 3.
Заказ № 5397. Типография управления культуры, Чита,
Анохина, 2. Цена 80 коп.

СТЕША ЗВЕРОВОЕВА

Каждое лето я забрасываю на спину рюкзак, беру палку, до блеска натертую руками, и ухожу на сенокос...

Я шел берегом Ингоды. Вода в ней так чиста, что ею можно поить ребенка. Земля здесь взбугрилась и сморщилась крутыми хребтами и круглыми сопками. Их изрезали узкие долины-пади. И хребты и пади заросли густыми темными лесами. В этих горных дебрях привольно зверю. Осенними ночами гулко режут здесь изюбри и сохатые, клацают и трещат их рога: всюду пылают любовные битвы...

Сопки и дебри подступали вплотную к Ингоде. Отражаясь в ней, они делали ее зеленой. Белые трясогузки носились прямо над водой, едва не чиркая по ней лапками, а под ними носились их отражения. С берега на берег неустанно летали буро-зеленоватые кулики-перевозчики. Дожди кузнечиков брызгали из травы при каждом моем шаге.

Иногда через мою дорогу вихрем мелькали желтые, пятнистые козы.

Я разжигал свой костер у звенящих ключей, в поле среди голубеющих овсов, на берегах утиных заводей, где слушал протяжные, громкие стоны коричнево-рыжих турпанов...

Наконец дремучие хребты раздвинулись, и я вышел на широкую долину. Здесь тайга была осветленной речками, полянами, озерами и лугами. В день по несколько раз гремели солнечные, минутные грозы. Принесется туча, небольшая, черная, оглушительно загрохочет, взъярится молниями, сыпанет на землю сплошной ливень. А сбоку солнце палит, и от него ливень валится золотым водопадом, и травы сверкают, и ручьи слепят. Минута — и нет грозы, и снова жар обдаёт землю, и еще сильнее двинулись в рост травы. А ты идешь, промокший с головы до ног, и тебе хорошо, тепло, радостно...

Эту ночь я провел в пустом полевом вагончике. Внутри его было чисто, на столе сияла стеклянная банка с букетом огненных саранок, а на стене висел свежий лозунг: «Героическим трудом воздвигнем величественное здание коммунизма!». Должно быть вагончик приготовили для косарей, и завтра они приедут на эти луга.

И, конечно, и здесь остались следы неуловимого Касьянова. На стопке книг я нашел его записку: «Товарищи! Читайте! Через три дня к вам приедет кинопередвижка. Желаю успеха в косьбе. Касьянов».

Вот уже сколько дней я ищу встречи с этим парторгом. Земли колхоза «Заветы

Ильича» велики: в длину шестьдесят километров да в ширину сорок. Здесь разместились четыре села. Речки, озера, поля, леса, горы — все есть на колхозных угодьях, и всюду по этой земле колесил Касьянов. Я слышал о нем от колхозников, иногда я видел, как вдали пылил его, обтянутый брезентом, газик, но самого никак не мог поймать.

Увидишь огромное стадо, пастуха на коне. Спросишь:

— Был Касьянов?

— Только что! Осмотрел коров, пастбище и укатил на ферму к дояркам!

Подвезет тебя к ферме попутный грузовик, и опять слышишь знакомое:

— Только что был, провел беседу, уехал на Гарекацанский сенокос.

Добираешься туда.

— Был. Ночевал. Оставил газеты, книги, уехал на отгонное пастбище.

Встречаешь пастухов оттуда.

— Был. Ночевал. Кино привез, беседу провел, стада осмотрел и уехал в Гареки на партсобрание.

— Да что за неуловимый у вас парторг?

— Легкий. Птицей кружится, — с уважением ответят пастухи.

Уже неделю я шел по колхозной земле и на всех дорогах ощущал его следы.

Вот и сейчас я с интересом изучал его почерк. По записке острокрылыми, остроклювыми птицами летели, расстилались крупные буквы. И даже через них ощущалась стремительность и какая-то страстность писавшего...

Всю ночь дождик шептался в рощах, в сочной траве нетронутых лугов, как будто множество рук осторожно мяли и шевелили бумагу. Железная тугая крыша вагончика звонко звенела, точно кто-то играл на цымбалах. И всю ночь мне было хорошо и счастливо.

Проснулся я, когда едва-едва посветлело. В сером полусвете все было замершим. И вдруг мне примерещилось, что рощи, синеющая тайга, поляны, заросли на берегах, Ингода ведут какую-то свою таинственную жизнь. Ива свесилась, булькнула в речку каплю, еще булькнула, шевельнула листком, шлепнула им — это она что-то сказала. А река в ответ забурлила в коряге, плеснула о камень и начала свой разговор. Может быть она рассказывала о том, как ночью приходил к ней напиться сохатый, как играли таймени в омутах. А ива, наверное, пожаловалась, что филин снова не давал ей спать.

Черно-синие сопки топились, дымя испарениями. Белые клубы их медленно влеклись над зубчатой тайгой и тоже о чем-то шептались с вершинами.

Но только показался я, как все замерло, притворилось неживым.

А из недр густого, развесистого дерева вырвалась большая серая птица, гулко захлопала крыльями, оповещая всех о человеке, и унеслась в глубь рощи, виляя между стволами. Дерево сердито пролило короткий дождь. Едва я сделал еще несколько шагов, как с шумом шарахнулась из гущи другого

Это была демоверсия книги - Лавров И.М. Мне кричат журавли

С полной версией книги можно ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34